

Политический аспект применения термина санкция к ограничительным мерам экономического характера

Научный руководитель – Юдеков Юрий Николаевич

Палий Александр Владимирович

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: palyaly1999@GMAIL.COM

На сегодняшний день можно констатировать, что единой точки зрения относительно понимания термина экономические санкции не существует [1].

Исходя из отсутствия исчерпывающего определения термина санкции в Уставе ООН [4], а также других международных нормативных документах возникает определенная полемика в научных кругах. Часть исследователей, в первую очередь российские юристы (Такие как Мусаткина А., Пронин А и др.), считает, что под санкциями можно понимать только меры, вводимые непосредственно Советом Безопасности ООН.

Данная позиция аргументируется тем, что санкции в Уставе ООН рассматриваются как меры, вводимые исключительно в ответ на *противоправные* действия государства-объекта, противоправность же действий, по их мнению, может быть установлена лишь ООН. Таким образом, меры, принимаемые региональными образованиями или отдельными государствами, вне Совета Безопасности ООН не считаются санкциями. Их принято называть ограничительными мерами одностороннего порядка или мерами самопомощи.

Еще одним аргументом в пользу данного подхода к определению санкций является сама позиция органов ООН: если рассмотреть документы, то можно заметить, что санкциями называются меры, предпринимаемые только Советом Безопасности ООН на основе 41 статьи 8 главы Устава ООН. Такой подход исключает применение термина санкций к ограничительным мерам государства-субъекта на действия государства-объекта, так как термин санкция с точки зрения данного подхода рассматривается как ответное действие на *противоправное* действие.

Если перейти к рассмотрению работ западных специалистов, а также части работ российских исследователей, то можно заметить, что вопрос о легитимности применения термина санкций к контрмерам не рассматривается. Например, такие исследователи как К. Эллиотт, Г. Хафбауэр, Д. Скотт, Н. Бапат, С. Оксенштерна, Д. Дашти-Гибсон, Р. Пейп в своих работах, посвященных экономическим санкциям, а также Дмитриева Н. И. и Балужева Д. Г., данный вопрос не поднимают. Более того, в определении самого термина экономические санкции отсутствует упоминание о необходимости установления факта нарушения международного правопорядка со стороны надгосударственных образований. Возможно, игнорирование данного вопроса можно связать с предположением, что, как правило, государство-объект экономических санкций не признает легитимность введения мер ограничительного характера в его отношении, в то же самое время государство-субъект, называя публично свои действия санкциями, придает характер правомерности ограничительным мерам экономического характера. Легитимное обоснование введения односторонних санкций основывается не только на национальном и международном праве, но и идеологическими, национальными и моральными установками страны-субъекта экономических санкций.

Рассмотренные полярно противоположные позиции исследователей находят свое отражение в концептуальных и доктринальных документах Российской Федерации и США, Европейского Союза соответственно.

Так, Россия, признавая легитимность исключительно санкций Совета Безопасности ООН, в концепции внешней политике от 2016 года отмечает неприемлемость односторонних экономических мер ограничительного характера: «... Решения о введении (таких) санкций должны приниматься Советом Безопасности ООН на коллегиальной основе после всестороннего рассмотрения. . . ; содействовать исключению из практики международного взаимодействия незаконных односторонних принудительных мер, принимаемых в нарушение Устава ООН и других норм международного права» [4].

В тоже самое время, в Стратегии национальной безопасности США от 2015 года утверждается продвижении санкций США под эгидой ООН, но в случае необходимости не исключается возможность действовать и самостоятельно [3].

В доктринальных документа Европейского союза (ЕС) экономические санкции, главной целью которых признается сдерживание и предотвращение конфликтов, рассматриваются как наиважнейший инструмент внешней политики. Главными источниками легитимности таких ограничительных мер признается не только международное право, но и право самого ЕС, что очередной раз подтверждает равнозначность понимания односторонних ограничительных мер экономического характера, вводимых ЕС с санкциями, инициируемыми Советом Безопасности ООН.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос о правомерности применении термина санкция к ограничительным мерам экономического характера игнорируется западными специалистами, подразумевая правомерность введения практически любых ограничений в отношении страны-объекта ограничительным мер экономического характера. В то же самое время, российские специалисты, учитывая специфику современной политической ситуации, в которой оказалась Российская Федерация, отмечая неправомочность использования термина санкция к любому экономическому давлению, предпринимают попытку дискредитировать ограничительные меры экономического характера, введенные в отношении России.

Источники и литература

- 1) Тимофеев И. Н.; Морозов, В. А. Санкции против России: итоги 2018 г. и взгляд в 2019 г. // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, доклад 43 2018. с. 12
- 2) Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016 г. Раздел 26, пункт Д МИД России. [Электронный ресурс] // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 01.03.2022)
- 3) Стратегия национальной безопасности США (2015) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения 01.03.2022)
- 4) Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. (дата обращения 01.03.2022)